

ГЛАВА I.

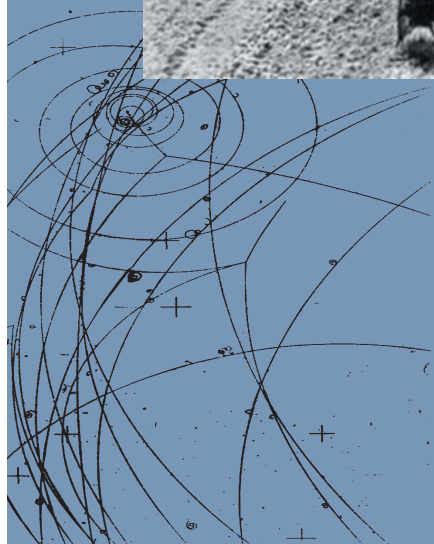
ПЕРВЫЙ ПРИЕЗД В ДУБНУ (декабрь 1963 года)

Андрей и Зоя. Дубна

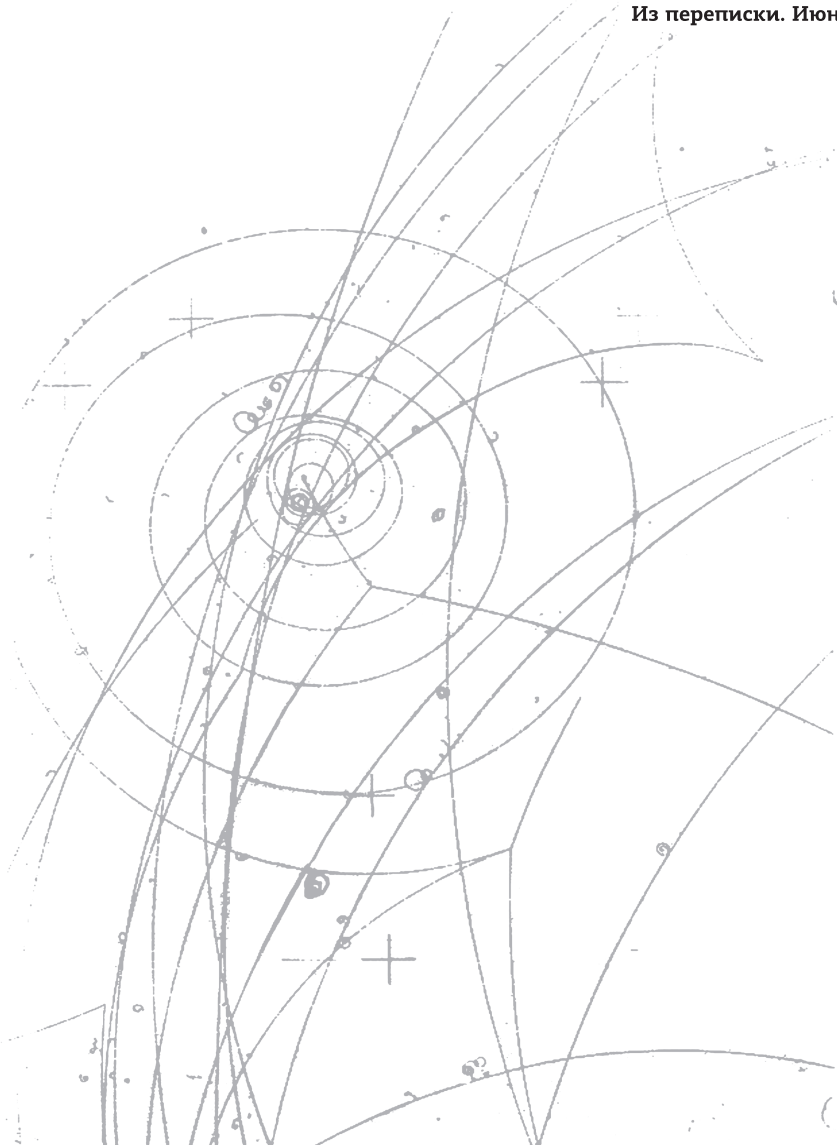
*Свою любовь к Дубне
Вознесенский отобразил в «Озе».*

З.Б. Богуславская

«Не могла не порадоваться, что наша с Андреем альма-матер Дубна попадает в историю бытия Андрея. Ведь именно там он впервые затеял разговор о его чувствах и о нашем будущем».

**Зоя Богуславская — Любви Орелович.
Из переписки. Июнь 2013 г.**

Маяк на въезде в Дубну (А. Иванов)

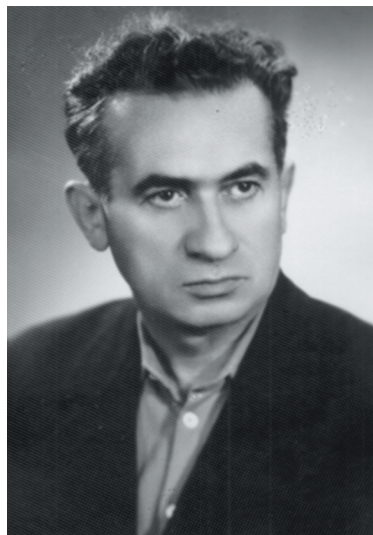
С Дубной великого русского поэта Андрея Андреевича Вознесенского связывал не один десяток лет. Здесь он отогревался душой после тяжелейшего потрясения, полученного в Кремле на встрече с деятелями культуры в марте 1963 года, когда высший руководитель страны Никита Сергеевич Хрущёв кричал с высокой трибуны: «Господин Вознесенский! Убирайтесь к чёртовой бабушке! Визу, паспорт — хоть завтра!». Здесь он завоевал и получил свою самую дорогую в жизни награду — Зою Борисовну Богуславскую — жену и Музу, с которой вместе, рука об руку, прошёл по жизни 46 лет. Здесь рождались его известные «Антимиры» и знаменитая поэма «Оза» о любви и о физиках.

Вознесенского (который даже в Кремле не испугался публично дать отпор самодуру и ответил ему с чувством достоинства: «Дайте мне договорить»!) Хрущёв не сумел уничтожить. Во времена «железного занавеса» он ездил за рубеж, быстро обрёл там репутацию русского гения. Общался с

выдающимися людьми планеты — Робертом и Жаклин Кеннеди, Пабло Пикассо, Артуром Миллером, Джинной Лоллобриджидой, Аленом Гинзбургом, Пьером Карденом... Он был награждён орденами Трудового Красного Знамени и орденами «За заслуги перед Отечеством» II и III степени, стал лауреатом государственных премий, кавалером Золотого почётного знака «Общественное признание», являлся академиком и почётным членом десяти академий мира! На Парижском фестивале «Триумф» (1996 год) газета «Нувель Обсерватёр» назвала Андрея Вознесенского «самым великим поэтом современности». Но всё это было потом. А начиналось всё здесь, в подмосковной Дубне, зимой 1963 года. Может быть, поэтому впоследствии Андрей и Зоя любили бывать в нашем городе именно в это время года, напоминаящее им ту их первую, судьбоносную поездку. Кто-то из друзей запечатлел их тогда, молодых и счастливых, идущих по зимней дороге вдоль дубненских коттеджей, владельцами которых были выдающиеся учёные, приехавшие в начале шестидесятых годов прошлого века создавать большую науку в нашем городе.

Е.Г. Горская

Г.Н. Горский

Привезла Андрея Вознесенского к нам сотрудница Объединённого института ядерных исследований (ОИЯИ) Елена Горская, занимавшаяся тогда культурно-массовой работой в Лаборатории ядерных реакций и благодаря творческим связям своего отца имевшая возможность общаться с представителями столичной богемы. Её отец, Григорий Наумович Горский, поэт и переводчик, был членом латвийского отдела Союза писателей СССР. Когда Н.С. Хрущёв устроил Андрею Вознесенскому «разнос» в Кремле, Елена решила поддержать молодое дарование и организовала его выступление перед молодыми учёными.

Кремль, 1963 год

По этому поводу Е. Горская несколько раз звонила Андрею Вознесенскому домой и подолгу разговаривала с его мамой. В результате поэт согласился приехать к нам зимой 1963 года. Сопровождала его Зоя Богуславская, в которую поэт тогда был страстно влюблён и которая спустя несколько месяцев стала его женой. На вокзале их встретила Елена Горская и проводила в дубненскую гостиницу.

Ученица Андрея Вознесенского и его библиограф, известная поэтесса *Нина Краснова*, со слов Зои Богуславской, рассказала следующее:

«Через какое-то время после хрущёвского разгрома (погрома) Андрей сказал ей: «У меня в Дубне будет

творческий вечер... Я хотел бы, чтобы ты вела этот вечер. Поедем со мной в Дубну!» А Зоя в то время как раз работала над повестью «...И завтра» о своих современниках, о научных изысканиях и изобретениях, и она решила убить сразу двух зайцев — провести в Дубне творческий вечер Андрея и заодно пообщаться с молодыми учёными Дубны, чтобы почерпнуть там какие-то материалы для своей повести: узнать что-то про синхротроны и так далее. И Зоя поехала в Дубну.

В гостинице их поселили в разные номера. Андрей пригласил её к себе в номер и думал, что она прямо так и побежит к нему туда, потому что ни одна женщина, пожалуй, не могла бы отказаться от этого, а она категорически отказалась. И он сказал ей: «Моя дверь будет всю ночь открыта для тебя». И Зоя пришла в ярость от такой «наглости» поэта и с запалом сказала ему: «А моя дверь будет всю ночь закрыта для тебя!»

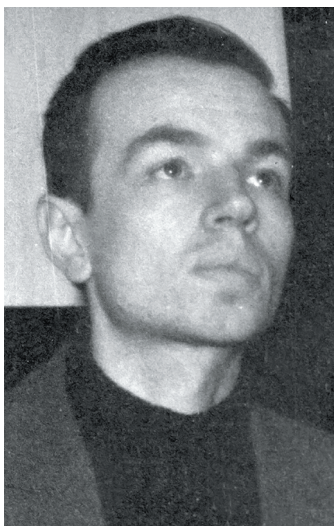
...Но всё же не где-нибудь, а в Дубне началась лирическая завязка романа Андрея и Зои, или прелюдия к этому роману. И Дубна стала для них обоих неким сакральным символом их любви».

...На следующее утро Андрей и Зоя отправились гулять по зимней Дубне. Они дышали кристально чистым дубненским воздухом, наслаждались красотой занесённых снегом здешних реликтовых сосен, любовались укрытой в ледовое покрывало Волгой, бродили по безлюдным тихим улочкам нашего сказочно красивого маленького городка и — влюблялись! В этот подмосковный райский уголок и, как выяснится вскоре, друг в друга.

А вечером состоялось первое, теперь уже ставшее историческим, выступление гонимого властями молодого поэта Андрея Вознесенского в Доме учёных нашего Института.

Службу безопасности (её секретный отдел) Объединённого института ядерных исследований Елена Григорьевна поставила в известность о проведении встречи буквально за полчаса до начала: в противном случае выступление могли

запретить. В организации творческого вечера поэта ей помогал заместитель международного отдела ОИЯИ Вениамин Семёнович Шванев. После вечера был банкет, на котором Зоя Борисовна Богуславская подняла за неё тост: «Лена, как танк, всех победила!»

А. Вознесенский в Доме учёных в Дубне. Зима 1963 года (автор снимков неизвестен)

«Что тебе почитать?»

Выступая осенью 2012 года по Центральному телевидению на канале «Культура», Зоя Борисовна прокомментировала фото из фильма А. Малкина «Андрей и Зоя», где А. Вознесенский наклоняется и спрашивает её, что для неё прочесть: «Он всё время спрашивал меня: «Чё тебе почитать?», и сказала о том, что эта фотография была сделана во время первого творческого вечера Андрея Вознесенского в Дубне в конце зимы 1963 года. Это было неожиданным и приятным сюрпризом, потому что эта фотография всем хорошо известна, она есть в Интернете, и вот теперь мы точно знаем, что она сделана в Дубне.

Существуют воспоминания ещё одного очевидца поэтического дебюта Андрея Вознесенского в Дубне, сотрудника Лаборатории ядерных реакций ОИЯИ Владислава Александровича Щёголева:

В.А. Щёголев (из его архива)

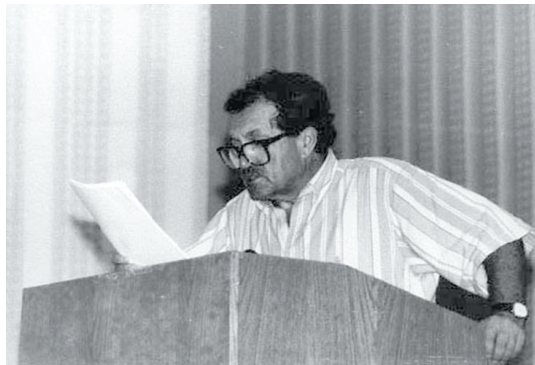
«Мне нравилась его ранняя поэзия. Она была сродни хрусталу, сверкающему отражающими свет гранями! Резкость метафор и непривычных словосочетаний только подчёркивали схожесть с прорезями на поверхности кристалла. Была в его поэзии молодая лёгкость и непринуждённость, искренность чувств и глубина проникновения.

...Я был свидетелем и, можно сказать, соучастником его романа с его Музой, названной им Озой. В пору их первого знакомства она была одним из секретарей Союза писателей СССР. Сблизила их встреча на собрании молодых литераторов,

на котором Хрущёв заявил: «Господам Вознесенским не место в советском обществе!» Потом Андрей показывал мне фотографии, снятые тайком одним фотокорреспондентом во время этого аутодафе. Разъярённый, со зверски ощеренным лицом, Хрущёв размахивал мужицким кулаком над головой щупленького поэта, который только что из верноподданческих побуждений решил прочесть отрывок из своей поэмы «Лонжюмо». После окончания собрания, когда Андрей шёл, подавленный случившимся, в раздевалку, а вокруг него образовался людской вакуум, к нему подошла Зоя и начала по-женски утешать. С этого и начался их роман, закончившийся женитьбой.

Тогда Дубна была единственным прибежищем для влюблённой пары. Я им помогал устроиться в нашей ведомственной гостинице, общался с ними».

Нетрудно заметить, что воспоминания Е. Горской и В. Щёголева перекликаются. И это не случайно: оба они работали в то время в одной лаборатории нашего Института и вместе занимались организацией приездов Вознесенского в Дубну.

В. Аксёнов

А вот у *Василия Аксёнова* в его романе о шестидесятниках «Таинственная страсть» в главе «1963, дальнейший март,

Дубна» версия появления поэта Вознесенского в нашем городе представлена очень интересно с художественной стороны, но не совсем верно с фактической. Это и понятно: в художественном произведении автору позволяют различные отступления, называемые художественным вымыслом. Но, возможно, читателю покажется интересной эта история. Чтобы понять Аксёнова, скажем, что имена своим героям он изменил, создав новые, созвучные им, другие. Так, например, Андрей Вознесенский в его романе стал Антоном Андреатисом, а Зоя Богуславская превратилась в Софью Теофилову.

Однако, предупреждённые автором об этих его метаморфозах, мы иногда можем понять, о ком идёт речь.

Итак, привожу отрывок из романа Василия Аксёнова:

«Однажды позвонил членкор Твердохлебов из подмосковного города физиков Дубны:

— Послушай, Антон, почему бы тебе не завалиться в Дубну? У нас такой отель отгрохали, чистый «Хилтон». Выступишь в клубе без всякого шухера, без афиш, а потом будешь жить в отеле хоть месяц, отдохнуть от треволнений, вдохнуть нейтрино, пить чай с нейтрино, на лыжах ходить тоже с нейтрино, то есть с ветерком.

Звонок Твердохлебова и все последующие соображения о физиках неожиданно взбудоражили Антошу, и он решил ехать. Он уже бывал в этом уютном городке, на окраине которого расположилась страшноватая штуковина, огромный синхрофазотрон для разгона частиц. В тот раз он два часа читал стихи и отвечал на записки в Доме культуры при большом стечении публики. Сейчас он даже думать не мог о таком широко-вещательном концерте. Другое дело встреча в академическом клубе, где соберётся, как Твёрдый сказал, не больше полусотни избранных.

...Перед посадкой в электричку на Дубну его охватил какой-то микроужас. Что я делаю, куда я прусь,

да ведь не доеду же никогда! Через два часа доехал. Твёрдый Хлеб ждал его на перроне.

...Отель на берегу Волги действительно был похож на один из бесчисленных «хилтонов», однако на крыше у него красовалась оригинальная вывеска «Гостиница «Дубна».

Вечером отправились, пешком, конечно, в академический клуб. Там внутри могло показаться, что ты — в Англии: кожаные кресла, мягкосветные торшеры, вдоль стен книжные полки, в середине комнаты большой медный глобус. Не торопясь, туда стекались из своих личных коттеджей, построенных ещё военнопленными немцами, большие величины науки — Клентович, Мизгал, Баритон, Лого-Плошкин, Фурман и даже похищенный из Италии Монтекорно. Большинство академиков и членкоров были с жёнами, в то время как большинство молодых докторов заявили по-холостяковски. Среди женщин одна очень выделялась.

Дубна. Зима 1963-го. Автор фото неизвестен
(из архива Е. Горской)

Антоша посматривал на неё. Чем она так выделяется? Платьем, что ли? Фисташкового цвета платье, казалось, шуршало. Теплотой взгляда, может быть? И впрямь, каждый раз, когда она взглядывала на Антошу, в глазах её начинал голубеть Юг. И улыбка её не была формальной. Формально она улыбается академикам и их жёнам, а вот Антоше — как своему. «Кто это?» — спросил он у Твердо-Хлеба. «Да разве ты её не знаешь? — удивился

тот. — Это Софья Теофилова, писательница. Жена Боба Фурмана. Странно. Я был уверен, что вы знакомы по Союзу писателей». «Какая подвижная, какая прелестная мимика», — подумал Антоша. И сказал: «Это посто случайность, Софка, что мы с вами не совпали. Если бы совпали, я бы вас никогда не забыл». Она была восхищена, как он запросто употребил её уменьшительное. ...«Слушай, Антоша, учёная братия просила меня сказать тебе, чтобы ты не волновался. Ну, в общем, они хотели дать тебе понять, что никто не будет спрашивать, что было в Кремле. Разговор пойдёт только о поэзии». «А я и не волнуюсь, — быстро сказал он. — Вернее, я волнуюсь, когда вижу тебя, Софка, а перед физиками я вовсе не волнуюсь».

...В самом начале пути к книге-эссе о великом поэте Андрее Андреевиче Вознесенском примерно такие же мысли, как Антоше в романе Аксёнова, приходили в голову и мне («Куда я прусь?!»). Но импульс к исследованию был уже получен — от желания хотя бы частично попытаться (пока ещё не поздно) воспроизвести посещения поэтом Дубны, постараться взять интервью у немногих оставшихся очевидцев тех посещений и рассказать о творчестве А.А. Вознесенского: кому-то напомнить о нём, кого-то познакомить с ним, в ком-то разбудить интерес и любопытство к поэзии вообще и к творчеству А. Вознесенского в частности. Ко всему прочему, в нашей переписке по электронной почте Зоя Борисовна время от времени очень мудро подталкивала меня вперёд и подбадривала, например, такими драгоценными цитатами, которые я мгновенно вплетала в канву текста:

«...Вспоминаю подробности пребывания в Дубне: первый поэтический вечер Андрея Вознесенского, мою встречу с юными физиками, участвовавшими в создании синхрофазотрона, что легло в основу моей пер-

вой повести «...И завтра» (журнал «Знамя», 1965 год), посвящённой эксперименту молодых физиков Дубны. Кстати, корректуру этой повести даже посылали на рецензию для подтверждения, что в ней не разглашены секретные данные дубненских исследований. Эта рецензия меня спасла, так как она была очень комплиментарной, а главное — утверждала, что мой выдуманный эксперимент основан на материалах (о чём я понятия не имела), частично использованных в зарубежной печати».

Получая поддержку от Зои Борисовны Богуславской в виде таких бесценных посланий, приходилось, оправдывая её доверие, работать и продвигаться в нужном направлении. В результате совместных творческих «раскопок», в которых приняли участие как москвичи, так и дубненцы, стала рождаться эта книга.

